

О ЖЕНСКОМ БАТАЛЬОНЕ, ЗАЩИЩАВШЕМ ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Х. М. АСТРАХАН

Полная изоляция буржуазного Временного правительства в октябре 1917 г. ярко проявилась в банкротстве всех его попыток организовать сколько-нибудь серьезную защиту Зимнего дворца. Казачьи полки, на которые Керенский возлагал большие надежды, объявили о своем нейтралитете и отказались подчиняться Временному правительству. Днем 24 октября Зимний дворец покинули солдаты 1-го самокатного батальона. Ушли также машины броневого и запасного дивизиона, круглосуточно охранявшие до этого Зимний дворец. Два большевика из этого дивизиона, солдаты И. Жданович и А. Морозов, настойчиво убеждали своих товарищей отказаться от поддержки контрреволюционного правительства. Вопреки сопротивлению эсеров, которых было немало в части, общее собрание дивизиона после длительных споров приняло предложение большевиков. Бронемашины, оснащенные пулеметами и трехдюймовыми орудиями, покинули Дворцовую площадь¹.

Штабу Петроградского военного округа 24 октября удалось пополнить поредевшую охрану Зимнего дворца, состоявшую в основном из юнкеров, лишь одной ротой 1-го Петроградского женского батальона².

Женские батальоны начали создаваться по инициативе Временного правительства и буржуазных организаций с весны 1917 г. Наряду с «георгиевскими батальонами», «революционными ударными батальонами», отрядами «увечных воинов», женские батальоны предназначались для участия в военных действиях на фронте, чтобы с их помощью поднять «воинственный дух» армии и вместе с тем опереться на них в борьбе против революционного движения. В июльские дни разгром редакции «Правды» штаб Петроградского военного округа поручил, например, одному из отрядов «увечных воинов»³.

В июне 1917 г. Керенский бросил на фронт сформированный в Петрограде «Женский батальон смерти», которым командовала М. Бочкарева. В наступательных боях под Сморгонью батальон понес серьезные потери убитыми и ранеными. Сама Бочкарева была тяжело контужена. Возможно, учитывая печальную судьбу этого батальона и аналогичных частей, специальная комиссия по сокращению штатов в армии высказала в августе 1917 г. начальнику штаба верховного главнокомандующего свое отрицательное отношение к женским батальонам, частям из «увечных воинов» и им подобным формированиям⁴. Однако такие буржуазные организации, как «Организационный комитет женского военного союза», «Центральный комитет по формированию отрядов добровольцев из увечных воинов» продолжали формировать свои отряды. Буржуазная печать всячески рекламировала «патриотические батальоны». Все это делалось при поддержке Временного правительства, возлагавшего на «ударные батальоны» особые надежды в борьбе против растущей революции.

1-й Петроградский женский батальон формировался «Организационным комитетом женского военного союза» с конца июня 1917 г. К началу

¹ Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. 4000, оп. 5, ед. хр. 1741, л. 1—2; ед. хр. 2092, л. 28.

² В литературе утверждается (см., напр., «История Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1962, стр. 157), что к Зимнему дворцу прибыл женский «батальон смерти». Это неправильно. Не «батальон смерти», а рота 1-го Петроградского женского батальона.

³ «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис». Док. и материалы, М., 1959, стр. 37—38.

⁴ ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 28, л. 2.

октября батальон был сформирован и вошел в подчинение штаба Петроградского военного округа⁵. Батальон располагался в Левашово по Финляндской железной дороге. Он состоял из четырех рот, пулеметной команды, команды конных разведчиков, саперов, связистов, нестроевой части и обоза. Всего по штату в батальоне числилось 1168 женщин-солдат⁶. Фактически их было, видимо, меньше⁷.

Ядро батальона составили уцелевшие после июньских боев ударницы бывшего «Женского батальона смерти»⁸. Социальный состав батальона был чрезвычайно разнороден. Большинство женщин-солдат вышли из трудовых семей. Портнихи, учительницы, медсестры, учащаяся молодежь, в основном из провинциальных городков России, казачки — тако-вы были кадры батальона. Обманутые буржуазной пропагандой, они одели солдатские шинели, чтобы пойти на фронт во имя доведения войны до победного конца. О происходящем внутри страны, в столице большинство женщин-солдат имело самое туманное представление. Одна из ударниц уже после победы Октябрьского восстания, например, спрашивала: «А большевики и Красная гвардия это то же самое?»⁹.

Лишь несколько экзальтированных ударниц были настроены контр-революционно. Командир батальона гв. штабс-капитан А. Лосков, командиры всех рот и команд были кадровыми офицерами¹⁰. Всего их было 18 человек.

В ночь на 24 октября начальник штаба Петроградского военного округа генерал Я. Г. Багратуни вызвал в срочном порядке батальон в Петроград¹¹. Ударницам было сказано, что их вызывают для участия в параде¹². Батальон прибыл к Зимнему дворцу 24 октября в 12 часов дня¹³. Штабс-капитану Лоскову было предложено оставить батальон для защиты Временного правительства¹⁴. Лосков отказался, понимая, по-видимому, всю несуразность выступления его батальона против почти всего Петроградского гарнизона. Свой отказ он мотивировал тем, что вверенная ему часть предназначена для борьбы с внешним врагом. Тогда у него попросили оставить одну роту, якобы для доставки бензина с завода Нобеля¹⁵. В Зимнем дворце оказалась 2-я рота в составе 137 человек. Так, путем обмана и уловок штабу округа удалось заполучить в свое

⁵ ЦГВИА, ф. 16173, оп. 1, д. 1, л. 3.

⁶ Там же, д. 4, лл. 14, 29; д. 6, лл. 3—6, см. также «Нива», 1917, № 32, стр. 498.

⁷ В пулеметной команде, например, было на 20 солдат меньше, чем предусматривалось штатным расписанием (ЦГВИА, ф. 16173, оп. 1, д. 7, л. 59).

⁸ А. Соловьев. Записки современника, М., 1964, стр. 190; Louise Bryant. Six Red Months in Russia, London, 1919, p. 212.

⁹ «Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы созыва 20 августа 1917 г.», ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, 1957, 25, т. 1. Стенограмма дневного заседания думы 3 ноября 1917 г., л. 38.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 16173, оп. 1, д. 4, л. 14.

¹¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Док. и материалы, М., 1957, стр. 281.

¹² «Стенограмма дневного заседания думы 3 ноября 1917 г.», л. 36. Это подтверждается и другими свидетельствами. С. М. Мстиславский указывает, что ударницы были вызваны на Дворцовую площадь «под предлогом парада» (С. М. Мстиславский. Пять дней, М., 1922, стр. 69).

¹³ «Рабочий путь», 25 октября 1917 г. В фонде Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции имеется фотография (негатив № 12532) женского батальона, построенного для парада на Дворцовой площади.

¹⁴ Возможно, буржуазные правители России в критический для себя момент прибегли к помощи женщин-солдат с определенным коварным расчетом: поставить наступающих на Зимний дворец в затруднительное положение и тем самым попытаться выиграть время до подхода подкреплений с фронта. Жена и соратница Джона Рида Луиза Брайант рассказывает в своей книге «Шесть красных месяцев в России», что накануне штурма Зимнего она слышала, как революционные солдаты, обсуждая наилучшие способы взятия дворца, говорили: «Худшее то, что там на страже женский батальон и они скажут, что мы убивали русских женщин». (Louise Bryant. Op. cit., p. 82).

¹⁵ «Стенограмма дневного заседания думы 3 ноября 1917 г.», л. 36.

распоряжение роту женского батальона. Любопытно, что командир роты Сомов, сославшись на болезнь, остался «на излечении у себя на квартире»¹⁶.

Когда днем 25 октября А. Коновалов, заменивший бежавшего из Петрограда Керенского, стал на заседании Временного правительства упрекать Багратуни за то, что тот не удержал женский батальон, начальник штаба ответил: «Мне было доложено, что на фронт они охотно идут, но вмешиваться в политическую борьбу не желают»¹⁷. Женщины-солдаты 2-й роты возмущались потом, что их оставили на Дворцовой площади обманным путем. «Мы получили предписание явиться туда для парада,— говорили они,— а вместо этого оказались впутанными в какую-то войну»¹⁸.

Разумеется, рота ударниц женского батальона не могла сколько-нибудь существенно усилить позиции защитников обреченной власти. Попытка штаба округа силами ударниц и юнкеров во второй половине дня 24 октября развести мосты через Неву кончилась неудачей¹⁹. Части Военно-революционного комитета захватили мосты и установили на них свою охрану.

В кульминационный момент революции 25 октября штаб округа включил роту ударниц в число непосредственных защитников Зимнего дворца. Но лишь 13 ударниц, которых в роте с презрением называли аристократками, порывались к казакам и юнкерам, чтобы вместе с ними отстаивать буржуазную власть. Остальные же пребывали в полной растерянности, не зная, что делать и как выбраться из ловушки, в которой оказались²⁰.

В начале штурма Зимнего дворца, около десяти часов вечера 25 октября, рота женского батальона капитулировала. Солдаты Павловского полка привели ударниц в расположенные неподалеку от Зимнего дворца казармы и здесь разоружили. Было отобрано 137 винтовок у ударниц, наган и шашка у их командира поручика Подремненцева. Затем под конвоем красногвардейцев ударниц переправили в казарму Гренадерского полка на Петроградскую сторону. 26 октября комиссар гв. Гренадерского полка А. Ф. Ильин-Женевский доносил Военно-революционному комитету: «В полку в настоящее время находится под арестом 137 солдат-женщин ударного батальона, арестованных в Зимнем дворце»²¹.

А. Ф. Ильин-Женевский, впервые увидевший женщин-ударниц, отмечал позднее, что они производили жалкое впечатление. «Постепенно,— писал он,— они пришли в себя». «Эх, не нужно бы вам воевать»,— невольно вырвалось у кого-то из солдат. «Да разве мы знали,— горячо заявила командир отряда,— нас обманом завлекли на Дворцовую площадь»²². В тот же день из Гренадерского полка роту ударниц под конвоем гренадер направили на Финляндский вокзал, а оттуда в Левашово²³.

27 октября «Правда» сообщала, что женский батальон будет расформирован и распущен. Вскоре, 30 октября, Военно-революционный комитет поручил штабу Красной гвардии Выборгской стороны разоружить

¹⁶ ЦГВИА, ф. 16173, оп. 1, д. 7, л. 61.

¹⁷ «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 44.

¹⁸ «Великая Октябрьская социалистическая революция». Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве, М., 1957, стр. 242.

¹⁹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Док. и материалы, М., 1957, стр. 332; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Сб. статей, М.—Л., 1957, стр. 131.

²⁰ Louise Bruant. Op. cit., p. 218; «Стенограмма дневного заседания думы 3 ноября 1917 г.», л. 36.

²¹ ЦГВИА, ф. 16173, оп. 1, д. 1, л. 18; д. 7, л. 104; «Донесения комиссаров Петроградского ВРК», М., 1957, стр. 88.

²² «Великая Октябрьская социалистическая революция». Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве, стр. 241—242.

²³ «Красная летопись», 1929, № 2, стр. 240.

1, 3, 4 роты и пулеметную команду женского батальона²⁴. Красногвардейцы с заводов «Айваз», «Нового Парвизайнена», «Эриксона» и др. приняли участие в разоружении батальона. «Всю ночь мы их разоружали и увезли два грузовика винтовок. Бедные женщины были рады, что мы их сразу отпустили на свободу», — отмечал один из руководящих работников Выборгской районной партийной организации рабочий завода «Айваз» Н. И. Кокко. Всего было изъято в женском батальоне 891 винтовка, 4 пулемета и некоторое другое оружие²⁵.

Буржуазные и эсеро-меньшевистские газеты, развернувшие с первого дня победы революции клеветническую кампанию против Советской власти, распространяли самые дикие измышления о насилиях, совершаемых якобы солдатами и матросами над ударницами женского батальона. 1 ноября в Смольный явились представители контрреволюционной Петроградской думы за пропуском в Левашово, требуя одновременно посылки туда комиссара Военно-революционного комитета для «немедленного прекращения насилия над ударницами». Им ответили: «Военно-революционный комитет не видит оснований для того, чтобы отрывать нужных ему людей в качестве комиссаров»²⁶. Эмиссарам же думы были выданы пропуска. Они получили возможность на месте познакомиться с положением женского батальона. И что же? Перед лицом неумолимых фактов даже антисоветски настроенные думцы вынуждены были в своих докладах городской думе опровергнуть измышления о насилиях над ударницами и признать, что отношение к ним со стороны революционных солдат и красногвардейцев самое корректное. Так, эмиссар думы председатель больничной комиссии меньшевик Мандельберг, возвратившись из Левашово, докладывал: «Таким образом, на ст. Левашово нет никого из добровольцев, положение которых могло бы внушать какое-либо беспокойство. Что касается тех, которые находятся в нескольких верстах от ст. Левашово, то гласная Тыркова отправилась туда лично, чтобы удостовериться, в каком они находятся состоянии, но по тем сведениям, которые мы могли получить там же от командира этих добровольцев, можно быть уверенными, что сейчас они находятся в таком положении, что им ничто не угрожает и что в этом отношении общественное мнение также может быть спокойно. Это положение настоящее. Затем нам интересно было также выяснить прошлое. Было ли что-нибудь из того, что так волновало городское население. Первый вопрос — это относительно самоубийств. За все это время произошло одно самоубийство, причем мотивы к самоубийству были исключительно личного характера. По поводу этих личных мотивов существует некоторое разногласие, но во всяком случае все категорически утверждают, что они не находятся ни в какой непосредственной связи с каким-нибудь персональным насилием... Вопрос, который мы поставили и который нужно было выяснить по поручению думы, — это вопрос о том, подвергались ли добровольцы в прошлом насилиям. И в этом отношении мы можем категорически утверждать следующее: те, которые находились в Левашово, совершенно не жалуются ни на какое насилие со стороны Красной гвардии»...²⁷

Гласная Тыркова (представитель кадетской фракции), встретившаяся с ударницами, арестованными в Зимнем дворце, также вынуждена была признать: «Все эти 140 девушек не только живы, не только не ранены, но и не подвергались тем ужасным оскорблениям, о которых мы слышали и читали»²⁸.

Заявления эмиссаров думы о корректном отношении солдат револю-

²⁴ «Большевистские военно-революционные комитеты», М., 1954, стр. 69.

²⁵ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, ед. хр. 1538, л. 8; ед. хр. 1356, л. 11; ед. хр. 1375, л. 4; ед. хр. 1533, л. 5; ЦГВИА, ф. 16173, оп. 1, д. 1, л. 18.

²⁶ «Стенограмма вечернего заседания думы 2 ноября 1917 г.», л. 23.

²⁷ Там же, л. 1, гл. 24—27.

²⁸ «Стенограмма дневного заседания думы 3 ноября 1917 г.», л. 38.

ции к ударницам замалчивались эсеров-меньшевистскими газетами. Они продолжали выливать ушаты грязи на солдат и красногвардейцев. Но клеветники были разоблачены самими ударницами. «Ввиду того, что в целом ряде мест злонамеренными лицами распространяются ложные, ни на чем не обоснованные слухи о том, что якобы при разоружении 1-го Петроградского женского батальона матросами и красногвардейцами были произведены насилия и бесчинства, мы нижеподписавшиеся, — говорилось в письме солдат бывшего женского батальона, — считаем своим гражданским долгом заявить, что ничего подобного не было, что это все ложь и клевета»²⁹.

По свидетельству Луизы Брайант на ее вопрос: «Простили ли вы большевикам то, что они разоружили вас?» — одна из бывших солдат женского батальона горячо возразила: «Это они должны простить нас. Мы, трудящиеся девушки, а предатели пытались толкнуть нас на борьбу против нашего народа и мы чуть было не дошли до этого»³⁰.

Расформирование батальона тормозилось одним обстоятельством — недостатком женского платья. А в военной форме бывшие ударницы, опасаясь насмешек, не решались выезжать домой. На помощь им пришли красногвардейцы. По их инициативе из подвалов Смольного было извлечено платье, оставшееся от слушательниц Института благородных девиц, и доставлено в Левашово. Кроме того, бывшим ударницам была выделена некоторая сумма денег из ликвидированного ВРК в начале ноября 1917 г. «Комитета женского военного союза»³¹. К концу ноября 1917 г. батальон был расформирован. Военно-революционный комитет помог обманутым буржуазией женщинам включиться в созидательную жизнь Советской республики.

²⁹ «Солдатская правда», 4 ноября 1917 г.

³⁰ Louise Bryant. *Op. cit.*, p. 214.

³¹ «Красноармеец», 1925, № 78, стр. 5; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, ед. хр. 2092, л. 31; ЦГАОР СССР, ф. 1236, оп. 1, д. 2, л. 29.

